Юрий АРБЕКОВ в молодости работал слесарем, пчеловодом, затем — литсотрудником, ответсекретарём, редактором районной газеты «Сурские просторы», заместителем редактора областной газеты «Пензенская правда», ныне член редколлегии газеты «Наша Пенза».

Член Союза писателей России. Автор поэтической трилогии «Пилигрим» (романы «Поручик Смагин», «Вторая жизнь», «Улыбка Зверя»), многих повестей и рассказов. В общей сложности Юрий Арбеков выпустил более 20-ти книг для взрослых и детей.

Юрий АРБЕКОВ

Финский домовой

Каких только баек не наслушаешься,
общаясь с мудрым деревенским людом!
О зверье, домашней живности, о нечистой силе...
Кто-кто, а сельчане лучше других знают,
есть ли на свете домовые, водяные, лешие...
С шутками-прибаутками поведает вам рассказчик
о том, что в городах называют мистикой.
Возможно, и приврёт для красного словца,
но только малость, чтобы веселее было.
Всё остальное — истинная правда.

1.

В нашем селе, на самом краю, живёт чета Угловых: бывший колхозный конюх Семён Фомич да жена его Полина Алексеевна (Полюшка, как ласково зовёт её Фомич, когда мечтает опохмелиться).

А по соседству, «в шабрах», проживают Сычёвы: баба Глаша с дочкой Тамарой; у Томки малыш четырёхлетний, а всего их, стало быть, трое.

Живут обе семьи небогато, но похвастаться есть чем и тем, и другим.

Предметом гордости Угловых является банька — не сказать, чтобы большая, но уютная, тёплая — сутки держит жар, не меньше. В субботу протопит её Семён Фомич, сам напарится до малиновой красноты, потом женщины намоются, ребёнка искупают, а наутро в воскресенье ещё и тепло в ней, и вода в котле горячая — стирай что хошь, Полина Алексеевна!

У Сычёвых другая радость — цветной телевизор, доставшийся Томке на память от бывшего мужа... Лучшая память, конечно, — Дениска, но и телевизор тоже ничего. Экран большой, антенна высокая, так что показывает он очень даже неплохо для сельской местности. По крайней мере, лучше угловского чёрно-белого, и когда идут любимые обеими семьями передачи про животных, баба Глаша открывает окно и кричит соседям:

— Поли-ина! Семё-он! Идитя крокодилов смотреть!

И старики, всю жизнь свою отдавшие лошадям, телятам, домашней скотине, с жадным любопытством смотрят на заморскую живность.

— Ишь ты! Ишь, что творят! — приговаривают все трое, а Тамарка насмехается над ними:

— Дорвались до своей Африки — за уши не оттащишь.

— Так ведь страсти-то какие! — говорят старики, не отрываясь от экрана. — Загрызли зебру, ироды. Чтоб им подавиться!

— Зебру пожалели! — горько ухмыляется Тамара. — Да в нашем колхозе всё стадо председатель съел — и ничего, не подавился. Сейчас районом командует.

Все трое глубоко вздыхают. Богатый был колхоз!

2.

Наступило лето, пора сенокосная. С темна выходил из дому Семён Фомич, звенел косой-литовочкой по местным лужкам, пустырям, лесным полянкам. Не отставала от него крепкотелая, ладно сбитая Тамарка, так что и Полина, и баба Глаша едва поспевали за ними сено ворошить.

— Эх, годков бы мне поменьше! — вздыхал Фомич. — Сколько травы кругом пропадает!

Он помнил годы молодые, когда село было большим, многолюдным, покосы делили строго, бывало, что дрались из-за клочка поляны... А сейчас? Коси, не хочу!

К концу сенокоса выдохлись все. У Тамарки на руках кровавые мозоли, у старика спина отнимается, у старух — ноги. Да тут ещё, как назло, Дениску пчела ужалила в лоб, всё личико у мальца вспухло, коршун цыплёнка унёс, кошка сычёвская пропала... Всё одно к одному.

— Все напасти к нашей Насте, — невесело шутил старик. — А это потому, что в бане мы давно не парились, девки, вот что. Бабушка Баня все печали обманет.

На следующий день была суббота. Дед Семён с утра позавтракал плотно, чтобы потом не отвлекаться, и отправился баню топить. В этот день он уже ничем другим не занимался.

Перво-наперво Фомич натаскал воды из озера во все имеющиеся ёмкости: в пятиведерный котёл, вмурованный в печь, в кадушки и молочные фляги, стоявшие вдоль стены...

Затем настала очередь огня. Семён Фомич заранее припас сухих стружек, бересты, наложил сверху тонких ольховых дровишек, затем потолще, зажёг всё ловко, с одной спички, и прикрыл дверцу. На первых порах появился дымок, не без этого, дровишки слегка постреляли, потрещали, но потом всё загудело ровно и мирно, будто большой добрый шмель забрался в кирпичную нору.

Теперь можно и отдохнуть, решил старик: печь сама своё дело знает.

Фомич выбрался наружу, сел на порожек предбанника и потянулся, как старый кот на завалинке. До чего же жить хорошо, Господи! Ведь всего и делов-то: баньку затопил, а как весело на душе! Напарится сегодня всласть, выпьет пару рюмок первача (после бани не выпить — грех, это даже Полинка понимает), плотно поужинает и растянется на койке во всём чистом, глаженом: супруга никогда не даст ему мятую рубаху, аккуратная попалась старуха... Хотя какая же она была старуха, когда ему «попалась»? Девятнадцать годков было девке, самый цвет!

Старик подивился тому, как быстро проскочили полвека, и подумал: а ведь надо бы свадебку сыграть золотую. Глядишь, и повод будет собрать всех своих «бродяжек»: детей, внуков-правнуков... «Следующий раз соберутся, а ты и не увидишь, старый пень!» — подначил он себя.

Фомич вздохнул глубоко и полез обратно в баню. Как раз вовремя явился: первые дрова прогорели, оставив после себя золотую россыпь угольного жара с синими огоньками там и тут.

Теперь старик совал в горячую глотку печи всё подряд: и коряжки, и поленья потолще. На такой жаре сгорит любое!

Закрыв дверцу, он обернулся к выходу — и застыл в восхищении. В солнечном проёме двери стояла Тамарка, русоволосая, босая, в одном лёгком ситцевом сарафанчике. Июньское солнце било из-за её спины так, что сарафан просвечивал насквозь и казалось, будто нет на девке ничего, кроме солнечных лучей.

— Помочь, дядя Семён, или как? — спросила соседка, лениво потягиваясь. «А, пожалуй, что и нет ничего», — подумал он.

— Да всё уж, — ответил вслух. — Тебя или послал кто?

— Ну, — буркнула она и одёрнула свой короткий сарафанчик. — Иди путешественников смотреть, зовут тебя.

«Клуб путешественников» был одной из любимых передач «хуторян».

...Старик вошёл в горницу, когда глупенькая реклама сменилась зелёными ландшафтами Финляндии.

— Иди быстрей, про бани ихние говорят, — позвала баба Глаша.

— Ишь ты! — удивился Фомич. — Я из бани, и тут про бани.

Присел на табурет и стал смотреть да слушать с большим вниманием, отмечая про себя каждую мелочь...

Любят финны париться, молодцы! На каждую семью по бане приходится. И даже есть такие, которые по-чёрному топятся, но и те внутри чистые, до бела отмытые — любо-дорого посмотреть!

Искренне позавидовал дед Семён большим дубовым кадушкам с прохладной водой, в которых финны отдыхают после парной. Заслушался, когда стали рассказывать легенду о духах-невидимках, «чёрных банщиках», которые живут, дескать, в каждой финской сауне.

— Наподобие наших домовых, только банные, — пояснил Фомич старухам.

«Не любит чёрный банщик, когда кто-нибудь моется слишком долго, у него время отнимает, — загробным голосом говорил ведущий. — Рассказывают, что одна нерадивая служанка отправилась в баню в поздний час, а наутро нашли её мёртвой. Лишь кожа да кости остались от бедняжки».

— Господи, помилуй! — перекрестилась Сычиха. — Страсти-то какие.

— Это я теперь и в нашу баню забоюсь идти, — отозвалась Полина, трусиха известная.

— Вот ещё, — ухмыльнулся дед. — Выдумки всё это.

— Как сказать, дедуля, — вмешалась Тамарка. — Учёные говорят, что всё на свете есть: и лешие, и домовые, и барабашки всякие. Только разглядеть их дано не каждому человеку.

На этот раз Фомич смолчал. Из всех четверых Томка была самая учёная: закончила десятилетку и бухгалтерские курсы, до рождения ребёнка в сельпо работала... Да ведь и то сказать: а вдруг она права? Начнёшь насмехаться над нечистой силой, она тебя и накажет.

3.

Шёл он в баню и всё думал об этом. Вспоминал разные случаи... Бывало, и в конюшне ночью вдруг вскинутся лошади, захрипят, затопочут копытами, начнут шарахаться в своих денниках... В чём дело? Кто их напугал? Зажжёт Фомич лампу, оглядится — нет никого. Только тень мелькнёт под крышей. То ли мышь летучая, то ли «ночной табунщик», «хозяин конюшни»...

Войдя в предбанник, Фомич невольно перекрестился, сплюнул трижды через левое плечо, постучал по дереву. Принял свои меры безопасности.

В бане стоял полумрак и тот особый жар, который дед называл «лёгким», ещё не настоящим. «Настоящий» таится в камнях-голышах, которыми была забита большая железная бочка, увенчанная печной трубой. Старик подкинул в печь ещё одно беремя дров и с удовольствием послушал, как загудел огонь, облизывая камни...

Вода в котле казалась той же, что была, но лёгкое волнение на её поверхности показывало, что теперь это — кипяток, который принято называть крутым, до того он горяч.

Вот теперь можно «колдовать», решил Фомич. Из-под лавки он выкатил двухведерную липовую кадушку, сполоснул её кипятком, бросил на дно пучок трав, стакан мёда не пожалел и всё это, ковшик за ковшиком, залил водой огневой. Закрыл плотно крышкой — тоже липовой, «своей» — и взялся за приборку. Порядок в бане всегда был морской, но перед самой помывкой бывший матрос ещё раз начисто споласкивал полки и лавки кипятком, придирчиво оглядывал пол: не закатился ли куда печной уголёк?

Долил холодной воды в котёл, кинул в печь ещё одну охапку дров — последнюю на сегодня — и приподнял крышку кадушечную. Оттуда пахнул такой аромат, что голова пошла кругом. Всё, что собирала его Полинка в саду, на луговинах и лесных полянках, отдало настою свой единственный неповторимый запах. Зверобой, душица, мята, Иван-чай, смородиновый лист, липовый цвет, какие-то особые, ею лишь знаемые корешки, цветки и листья создали умопомрачительный букет, а луговой разнотравный мёд добавил свой сладковатый оттенок.

Старик зачерпнул из кадушки половинку ковша и плеснул на камни. Они сердито зашипели, и горячий ароматный пар вырвался наружу. Фомич присел, чтобы пар не обжёг, втянул в себя воздух и даже причмокнул от наслаждения:

— Райский запах!

Оставалось запарить веники. Они висели на чердаке, и старик, выйдя в предбанник, стал подниматься вверх по ступенькам шаткой лестницы.

Чердачок был низким, в полный рост не встать, и Фомич полез вдаль на четвереньках. Мало уже оставалось прошлогодних веников, лишь в самом конце подловки, за трубой... Но ничего, скоро можно будет новые заготовить: в конце июня у берёзы самый крепкий лист.

Старик был почти у цели, когда странные звуки донеслись из полутьмы чердака. Кто-то зашуршал в листве, зашипел, запищал... «Чёрный банщик!» — мелькнуло в голове Фомича, и он шустро попятился назад, нащупал ногой ступеньку, кубарем скатился вниз.

Отдышавшись, старый матрос устыдил сам себя и поднялся по лестнице вновь, держа в руке длинную палку. Ею он подцепил пару веников и, чувствуя дрожь в ногах, потащил их к себе.

— Пш-ш-ш! — зашипел вновь «чёрный банщик», но на этот раз моряк довёл дело до конца.

В бане он внимательно оглядел все углы. Присутствия нечистой силы не ощущалось. Но припомнил слова соседской Томки — «разглядеть её не каждому дано» — и ещё раз суеверно перекрестился.

Впервые за многие годы баня не доставила ему той полноты ощущений, какая бывала прежде. Фомич и жару напустил дай Боже, и отхлестал себя за милую душу, а всё одно: лезла в голову мысль о «чёрном банщике». Хоть ты лопни! Даже в самый благостный момент отдыха, когда лежал на лавке весь распаренный, расслабленный, умиротворённый, нет-нет да вроде как слышались наверху подозрительные звуки: писки, шорохи, шуршанье...

— Вы вот что... Не задерживайтесь там долго, — наказал старик супруге, когда пришла вторая смена: женщины с ребёнком.

— Это почему же? — сразу насторожилась жена.

— Да так... Знаю я вас. То да сё — развезёте до ночи, а мальчонке спать пора.

— Мы всегда подолгу мылись и ничего... А малец днём выспался, — возразила жена. — Что-то ты темнишь, Сёмка... Никак банный дух объявился?!

— Сама ты... нечистый дух, — обругал её Фомич. — Чёрт с вами, мойтесь, сколько хотите. А я домой пойду.

— Ага! Пойдёт он... Сначала напугал до смерти, а потом в кусты?

— Да когда же я вас пугал?

— А только что.

Соседки вступились за старика:

— Это не он. Это телевизор нас «чёрным банщиком» застращал, — пояснила баба Глаша.

— А ты оставайся, Семён Фомич, — сказала невинно Тамарка, снимая с сарафана поясок. — Заодно попаришь нас.

— Дрыном тебя парить, бесстыжая! — беззлобно ругнулась мать.

Фомич махнул рукой, вышел из бани, но домой не пошёл. Сел на крылечко и стал караулить свой «колхоз». От кого и от чего — непонятно, но уйти совсем он посчитал делом недостойным мужчины.

4.

Был великолепный летний вечер. Солнце закатилось за горизонт, но совсем не ушло, подсвечивало высокие слоистые облака своими закатными лучами, и в небе творилось великое смешение красок. Нижний слой горел золотом, верхний — пурпуром, а между ними ярко проступали синие полосы неба, всё более тёмные к востоку. Оттуда уже наступала матушка-ночь, поблёскивая сквозь синеву первыми робкими звёздами.

Стояла удивительная тишина, присущая этому времени года. Насвистевшись и накрякавшись за весну, птицы сидели по гнёздам, грели под крылом своё потомство и старались не произвести ни шороха, поскольку и лиса свой выводок имеет, бродит голодная где-то рядом. Лишь рыба на озере нет-нет да плеснёт хвостом, гоняясь за мальками.

Среди этой тишины отчётливо слышались голоса моющихся. Бабоньки визжали, поддавая на камни духмяный настой, Дениска радостно вопил, купаясь в кадушке, — одним словом, весело было всем.

Старик глядел на небо, наблюдал, как уходит с него вечерняя заря, съёживается до узенькой красной полоски на горизонте, и думал о том, что вот так же съёживается наша жизнь на закате дней. Всё лучшее отгорело уже: и розовое детство, и солнечная молодость, и вечерние пурпурные годы. Осталась узенькая полоска, отделяющая нас от смерти...

Странно, но в этот благостный вечер даже о ней, костлявой, думалось легко, без страха, как о долгожданном отдыхе, который, право же, заслужил старый конюх своим многолетним трудом. Скольких жеребят он принял-вынянчил на своём веку! Какие табуны гонял в ночное!

Вкатилась на небо полная луна, залила округу бледным светом, и Фомич подумал, что загробная жизнь должна быть, наверное, такой же: немножко сумеречной, немножко прохладной, но в целом благостной и спокойной, как эта тихая летняя ночь. Особым праведником старик себя не считал, но и злодеем не был, никого не убил, не ограбил, — почему бы не впустить его после смерти в такой вот рай?

Он размышлял об этом, когда счастливые распаренные старушки вышли, наконец, из бани, ведя за руки Дениску.

— Ты ещё здесь, отец? — спросила супруга.

— А куды же я денусь? — миролюбиво отозвался Фомич.

— Исстрадался, поди? Выпить хочется?

Удивительно, но как раз об этом и не думал сейчас Семён Фомич. Совсем другие, возвышенные мысли блуждали в его голове.

— Спасибо за баньку, сосед, — поклонилась Сычиха. — Уж до того славно попарились — слов нет!

— Ну и гоже... Малец не устал?

— Чуть было не уснул в своей кадушке. А вылазить ни в какую не хочет!

— Моряком будет! — одобрил старый матрос. — Любит воду, шельмец.

За разговором они шли потихоньку в гору, к своим домам, то и дело останавливаясь и поджидая Тамарку. Она, как всегда, оставалась последней: прибирала за всеми.

— Тихо-то как! — сказала Полина.

И вдруг ночную тишину прорезал истошный томкин вопль:

— Чёрный банщик! Чёрный банщик! — кричала она и пронеслась мимо них в чём мать родила.

— О, Господи! — испугались старушки и потрусили следом.

На что Фомич был не робкого десятка, но и он прибавил шаг, нет-нет да оглядываясь на белеющую внизу баньку. Что за напасть вдруг объявилась в их тихом богопослушном уголке?

5.

Собрались у Сычих. Уложили спать Дениску, а сами уселись за стол, смотрят на Тамарку.

— Ну?.. Чего было-то, дочка?

Молодка уже набросила на голое тело тёплый халат, кутаясь в него не столько от холода, сколько от страха.

— Сама не знаю, маманя. Ушли вы, я прибираться начала, Денискины игрушки собирать... Вдруг наверху ка-ак зашуршит, ка-ак зашипит! Ещё и пищит при этом! Вспомнила я про служанку, которую чёрный банщик убил, и дёру оттуда, и дёру!

— Господи, помилуй! — перекрестились старушки.

Посидели молча, соображая. Ничего подходящего на ум не шло.

— Вот что, мать. Наливай-ка! — скомандовал Фомич. — Без пол-литра в этом деле никак не разберёшься.

Полина достала припасённый первачок, баба Глаша выставила на стол закуску...

— Говорила я, что бывает нечисть всякая, а вы не верили, — укорила Тамарка. — Теперь сами убедились?

— Так ведь... семьдесят годков тут живём, и ничего не было, — оправдывалась Полина.

— Для нечисти семьдесят лет ваших — тьфу! Они бессмертные. Пожили у одних лет сто, теперь у нас будут жить.

— Тоже сто лет? — сокрушалась баба Глаша.

Фомич хватанул ещё стаканчик для храбрости и решительно встал из-за стола.

— Пойду гляну, что за нечисть такая.

Его пытались отговорить, но куда там! В отдельные моменты старик бывал очень упрям.

— Чем сто лет под страхом ходить, лучше разом покончить с этим делом. Или я его, или он меня!

Фомича провожали как на войну: с причитаниями. Тамарка, тоже «повторив», пошла следом — на всякий случай.

Старик взял с собой берданку и фонарь. Уняв волнение в груди, стал подниматься по шаткой лесенке, ведущей на подловку. Забрался по грудь, в одной руке фонарь держит, в другой — ружьишко.

— А ну, вылазь, банщик хренов!

Пошуршало в сухих вениках... и уставились на Фомича из тьмы два круглых сверкающих глаза! Вскинул он ружьё, прицелился, но на крючок не нажал, смотрел, что будет дальше. А дальше зубки блеснули белоснежные, шипенье послышалось, сзади писк жалобный на разные голоса...

— Ах ты, сволочь этакая! — ласково сказал Фомич. — Чуть я грех из-за тебя не принял на старости лет.

Услышав мирный голос старика, робко кашлянула Тамарка:

— Ты с кем говоришь, Семён Фомич?

— С чёрным банщиком, — хитро ответил дед, спускаясь по лесенке вниз. — Хочешь посмотреть?

— Ещё чего!

— Да не бойся ты, трусиха, — ухмыльнулся старик и не стал больше мучить соседку, спросил: — У вас кошка пропадала?

— Пропадала...

— Чёрная?

— Чёрная... Молоденькая совсем...

— Ну вот. Была одна кошка, а теперь готовь лукошко!

Соседка похлопала глазами, догадалась — и бросилась вверх по лестнице.

— Мурынька моя, зараза ты этакая! — донеслось с подловки. — Да как же ты нас напугала, бродяжка чёртова! А уж Дениска как скучал без тебя! То-то обрадуется!.. Да с котятками... Сколько их у тебя?..

Фомич слушал воркование соседки и поглядывал на восток. Там между небом и землёй уже прорезывалась тоненькая розовая полоска будущей зари. «Значит, поживём ещё!» — весело подумал старик.